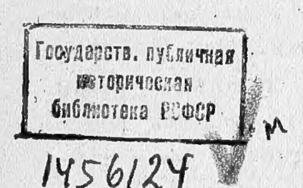
В. ПАНКРАТОВЪ.

КОМУ ЖЕ МЫ ПРОТЯГИВАЕМЪ РУКУ?

Цѣна 25 коп.

ПЕТРОГРАДЪ
Издательство „НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ"
1917.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

КОМУ ЖЕ МЫ ПРОТЯГИВАЕМЪ РУКУ?

Мы протягиваемъ руку, мы братаемся...

Съ кѣмъ же однако?.. Давайте разберемся.

Германія объявила безпощадную подводную войну не только воюющимъ народамъ, но и всему человѣчеству,— «Германія превыше всѣхъ и всего».

А давно ли она такъ великодушно, такъ человѣколюбиво дѣлала мирныя предложенія—прекратить дальнѣйшее кровопролитіе? Давно ли она всенародно изливалась, содрогалась отъ всѣхъ бѣдствій, причиненныхъ войной? И вдругъ еще болѣе кровожадная, безсмысленная война всѣмъ народамъ.

Чему и когда вѣрить? Юнкерское правительство и германскій императоръ не могутъ не играть двойной игры: мирными предложеніями они хотѣли усыпить бдительность своихъ противниковъ, чтобы неожиданно нанести ударъ; лицемѣрнымъ предложеніемъ они надѣялись расположить къ себѣ нейтральныя государства, оправдаться передъ своимъ народомъ, который, послѣ двухлѣтней бойни, какъ бы очнулся и спросилъ: съ какою же цѣлью ведется война, когда же ея конецъ?

Вмѣсто честнаго, прямого отвѣта своему преданному народу, императоръ германскій пустилъ утку о мирѣ, заранѣе зная, что это предложеніе не будетъ принято. Тогда германскій царь сдѣлалъ видъ разгнѣваннаго бога и объявилъ своему народу:

«Теперь ты видишь цѣль войны. Эта цѣль—твоя самозащита. Мы сдѣлали все, чтобы прекратить братоубій-

ственную войну, но ваши враги отвергли миръ. Они хотятъ войны, хотятъ гибели германскаго народа... Иди, мой вѣрный народъ, бейся съ врагами всѣми средствами, какія дастъ тебѣ наука, техника, религія. Всѣ средства допустимы... и чѣмъ они безпощаднѣе, жесточе, тѣмъ—дѣйствительнѣе. Иди и знай, что, кто не съ тобой, тотъ противъ тебя, тотъ твой врагъ. Вѣрь мнѣ, какъ твоему вождю, который велъ тебя къ славѣ и побѣдамъ два года».

И германскій народъ слѣпо пошелъ за своимъ императоромъ-преступникомъ на новыя злодѣянія; германскіе матросы спокойно поплыли топить мирные корабли и плавучіе лазареты. Снова пошли убивать, разрушать, жечь и отравлять сосѣдніе народы, забывъ, что война—есть преступленіе, въ чемъ признался и самъ Вильгельмъ.

Не такъ давно, желая оправдаться предъ нейтральными странами, онъ заявилъ, что воюетъ вынужденно, что вся отвѣтственность за войну должна пасть на русское и англійское правительства, что они—настоящіе виновники войны. Глубокомысленный просвѣщеннѣйшій германскій народъ не замѣтилъ этого страшнаго признанія: война—преступленіе, которое влечетъ за собой отвѣтственность.

Послѣ того, какъ разорена Бельгія, опустошена сѣверная Франція, разорена Польша, разграблены, сожжены Сербія и Румынія, послѣ того, какъ милліоны свободныхъ мирныхъ гражданъ этихъ странъ уведены въ рабство, тысячи дѣвушекъ и женщинъ обезчещены, разрушены храмы, осквернена честь, а за всѣ эти злодѣянія роздано много наградъ и орденовъ,—зачинщики всѣхъ преступленій наконецъ заговорили объ отвѣтственности.

Но не въ этомъ главный ужасъ. Ужасъ весь въ томъ, какимъ образомъ культурнѣйшій народъ Европы, самый ярый проповѣдникъ высокихъ человѣческихъ идей, пошелъ на это злодѣяніе? Какія силы могли толкнуть нѣмецкаго царя на такую ужасную, ничѣмъ не оправдываемую войну, которая, при самыхъ даже пристрастныхъ

расчетахъ, не могла и не можетъ оправдать и тысячной доли затраченныхъ средствъ и человѣческихъ страданій?

Три злыя силы толкнули его на это: полнѣйшее презрѣніе къ европейскимъ демократическимъ народамъ, безграничная увѣренность въ своемъ могуществѣ, въ своей подготовленности и, наконецъ,—безошибочный расчетъ на поддержку всего германскаго населенія. Первая надежда жестоко обманула коронованнаго баловня судьбы: нѣкоторые изъ презираемыхъ имъ народовъ оказались смѣлыми, стойкими защитниками человѣческой свободы и нанесли,—кто знаетъ?—быть-можетъ, не мгновенный, но смертельный ударъ всемогуществу вѣроломной германской монархіи... Не ошибся Вильгельмъ только въ своей подготовленности и въ поддержкѣ всего своего народа. На его безумно-преступный призывъ—впередъ на беззащитную Бельгію, на неподготовленную богатую Францію, на опутанную сѣтью провокаторскихъ интригъ Россію,—откликнулись всѣ классы нѣмецкаго населенія. Всѣхъ сразу обуяла неудержимая жажда завоеваній, военной славы и добычи. Несмѣтныя полчища германскихъ войскъ, лучше всѣхъ вооруженныхъ, лучше всѣхъ организованныхъ, какъ озвѣрѣвшая стая, бросились на мирную Бельгію и Францію—грабить и убивать. Ободренная морально и физически Германіей, Австрія, прославившаяся въ исторіи неискренней, вѣроломной своей дипломатіей, направила свои военныя орды къ границамъ Сербіи и Россіи, надѣясь неожиданнымъ нападеніемъ вынудить колоссальныя уступки великой сосѣдки, которая недавно такъ смиренно позволила Австріи присоединить къ себѣ Боснію и Герцоговину. Австрійскій милитаризмъ, подобно германскому, встрѣтилъ полную поддержку со стороны всѣхъ классовъ нѣмецкой части населенія.

Вспыхнула Европейская война, какой еще не знало человѣчество. **Въ Россіи въ то время демократія бастовала, а германская организованная демократія не предприняла**

ни одного серьезнаго шага, чтобы помѣшать разгулу прусской военщины, не попыталась задержать страшное матеріальное и моральное опустошеніе Европы. Поведеніе грубыхъ юнкеровъ, алчной буржуазіи можно понять: привычка властвовать и обирать свой народъ и народы другихъ странъ, вмѣшиваться въ ихъ политическую жизнь, мѣшать имъ развиваться и освобождаться отъ рабскихъ традицій,—все это всегда составляло сущность германскаго юнкерства и буржуазіи. И они, какъ одно тѣло, одна душа готовились къ внѣшней войнѣ, чтобы съ ней одновременно уничтожить и внутренняго своего врага—нѣмецкую соціалъ-демократію, которая, казалось имъ, съ каждымъ годомъ становилась все грознѣе и опаснѣе. Для нѣмецкихъ господствующихъ классовъ война была якоремъ спасенія. Они только выжидали удобнаго момента—застать своихъ сосѣдей врасплохъ, расшатанными внутренними неурядицами, скрыто, но широко организованными нѣмецкими шпіонами и провокаторами, разсѣянными по всему земному шару подъ видомъ коммерсантовъ, офицеровъ и начальниковъ охранныхъ отдѣленій. Преступная дѣятельность этихъ тайныхъ агентовъ *) отравляла человѣчество десятки лѣтъ. Даже отдаленные глухіе уголки черной Африки, кочевой Азіи не были свободны отъ этихъ позорныхъ слугъ «просвѣщеннѣйшаго» Берлина. Въ Ирландіи они подготовляютъ предательское возстаніе. Турціей они выстрѣливаютъ по Россіи, чтобы отвлечь отъ себя ударъ послѣдней. Въ Персіи подбиваютъ кочевниковъ и бросаютъ ихъ подъ пулеметы англичанъ и русскихъ; въ Египтѣ, въ Африкѣ провоцируютъ мирныя племена и ихъ головами отыгрываются, пообѣщавъ богатую и легкую добычу. Словомъ,—всюду несутъ обманъ, кровь, смерть и разореніе. Такая тактика, такое лукавство вполнѣ по-

---

*) Такихъ агентовъ въ Сѣв.-Американскихъ Штатахъ оказалось 10 тысячъ.

нятно и свойственно юнкерской полицейско-военной кастѣ. Это—такъ.

Но какъ германская демократія, самая организованная и самая старшая въ Европѣ, не могла этого понять и не попыталась помѣшать одному изъ гнуснѣйшихъ преступленій германскаго юнкерства противъ міровой демократіи?

Какъ она могла подать ему свою мозолистую руку? Какъ и почему не было ей очевидно, что эта война есть война противъ демократіи и демократическихъ идей? Развѣ же это не ясно стало уже тогда, когда Вильгельмъ направлялъ свои первые сильные удары на самую демократическую страну—Бельгію, потомъ на Францію, а далѣе и на Англію, въ то время, какъ Австрія опустошала Сербію—эту маленькую, но героическую носительницу демократическихъ началъ?

Въ оправданіе германской демократіи часть демократовъ заграничныхъ и нашихъ говорила и говоритъ:

«Она безсильна была помѣшать... Все равно ничего не вышло бы изъ ея попытокъ... Она не могла измѣнить хода событій... На ея мѣстѣ бельгійскіе и французскіе соціалисты поступили бы не лучше».

Мы не знаемъ, какъ поступили бы послѣдніе, и объ этомъ гадать не приходится. Но можно ли этимъ оправдать германскую демократію, эту почти міровую руководительницу пролетаріата, эту поборницу рабочаго класса, водрузившую по всему свѣту свое знамя съ призывомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!». Почему она не попыталась подбросить хотя бы палку въ военную колесницу германскаго юнкерства? А сдѣлать это она могла. Стоило ей только хоть на два-три дня прекратить работы на Крупповскихъ и другихъ военныхъ заводахъ,—и Вильгельмъ не посмѣлъ бы съ такою легкостью предъявить ультиматумъ Россіи, не отважился бы такъ увѣренно нарушить нейтралитетъ Бельгіи. А Австрія—развѣ она не

была бы скромнѣе въ своихъ буржуазныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ къ маленькой Сербіи?

Послѣ безчеловѣчнаго ультиматума, предъявленнаго Сербіи, центральный Комитетъ германской соціалъ-демократіи выпустилъ воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, мы прочли слѣдующее: «Сознающій свои классовыя задачи пролетаріатъ Германіи пламенно протестуетъ во имя человѣчности и культуры противъ преступныхъ происковъ подстрекателей къ войнѣ. Онъ повелительно требуетъ отъ германскаго правительства, чтобы оно воспользовалось своимъ вліяніемъ на Австрію для сохраненія мира, а, если невозможно будетъ предупредить постыдную войну, то воздержалось бы отъ всякаго участія въ ней. Ни одна капля крови нѣмецкаго народа не должна быть принесена въ жертву властолюбивымъ вожделѣніямъ австрійскихъ правителей и имперіалистическимъ стремленіямъ къ наживѣ...» Но это были слова—и только слова. Казалось, что вотъ представился величайшій историческій моментъ, когда германскій организованный пролетаріатъ, руководимый соціалъ-демократіей, повелительно требовавшей сохраненія мира, проявитъ себя въ красивѣйшемъ и глубоко человѣческомъ актѣ, еще безпримѣрномъ въ исторіи рабочаго класса, и предохранитъ народы Европы отъ грозящей имъ страшной бѣды.

Но не прошло и мѣсяца, не успѣло еще заржавѣть перо, писавшее вышеприведенное воззваніе, и мы видимъ, что, къ великому ужасу и удивленію пролетаріата всѣхъ странъ, тѣ же представители могущественной германской демократіи вотируютъ военный бюджетъ, т.-е. одобряютъ и поощряютъ объявленіе войны Россіи и Франціи, и такимъ образомъ въ значительной степени берутъ на себя отвѣтственность за всѣ неизбѣжные ужасы войны. Какимъ образомъ и въ силу чего произошла такая перемѣна во взглядахъ германской демократіи, такая измѣна не только проповѣдуемому братству пролетаріевъ всѣхъ

странъ, которыхъ она неустанно призывала соединяться, но и своей собственной борьбѣ съ юнкерствомъ и милитаризмомъ?

«Не могли же вожди соціалъ-демократіи подвергать народъ разстрѣлу, тюрьмамъ и ссылкѣ,—говорятъ правовѣрные защитники марксизма,—вѣдь Вильгельмъ не допустилъ бы никакихъ противовоенныхъ стачекъ и демонстрацій. Онъ не постѣснился бы разстрѣлять не десятки, а сотни рабочихъ, уничтожилъ бы и разогналъ всѣ рабочія организаціи, переполнилъ бы всѣ тюрьмы рабочими и разрушилъ бы все, что съ такимъ трудомъ создавалось десятки лѣтъ». Какая близорукость! Какой вопль по волосамъ, когда головѣ грозитъ быть отрубленной! Боязнь разстрѣла сотенъ людей, выступившихъ въ защиту мира, въ защиту человѣческой свободы!.. Какой мелкій расчетъ въ великомъ дѣлѣ!..

Неужели вожди германскаго пролетаріата не предвидѣли, что черезъ пять-шесть мѣсяцевъ въ кровавой бойнѣ будутъ разстрѣляны не сотни, а сотни тысячъ германскихъ, французскихъ и бельгійскихъ рабочихъ? Неужели не учли они, что черезъ годъ нѣмецкія пролетарскія организаціи будутъ искалѣчены до неузнаваемости, что соціалъ-демократы, подавъ руку юнкерству, превратятся въ слугъ вѣнчаннаго солдата Вильгельма и что сотни тысячъ осиротѣвшихъ семействъ въ самой даже Германіи будутъ проклинать этихъ отступниковъ отъ соціализма?

Какимъ же образомъ, повторяемъ, произошло то необычайное явленіе, что германская демократія, такъ рѣзко отмежевывавшаяся отъ буржуазныхъ классовъ, постоянно подчеркивавшая различіе пролетарскихъ интересовъ, сразу превратилась въ активную союзницу юнкерства и буржуазіи? Куда дѣвался красивый, благородный призывъ: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь»? На этотъ призывъ десятки лѣтъ отзывались французскіе

и бельгійскіе рабочіе. Германцы, казалось, искренно братски пожимали ихъ рабочія руки, и вдругъ теперь вѣроломно отрываютъ руки и бросаютъ имъ въ лицо растоптанное въ грязи и крови пролетарское рабочее знамя, промѣнявъ его на обагренное кровью рабочихъ юнкерское императорское знамя съ адскимъ девизомъ: «Да здравствуетъ Вильгельмъ! Долой миръ и честный трудъ! Да здравствуетъ война, огонь, насиліе и смерть! Да здравствуетъ союзъ германскаго пролетаріата съ воинствующей германской опричиной и ненасытной буржуазіей!» По одному слову вѣроломнѣйшаго изъ императоровъ, злѣйшаго врага трудовой демократіи, нѣмецкіе пролетаріи, одѣтые въ солдатскіе мундиры и каски, подъ командой вильгельмовскихъ юнкеровъ ринулись въ свободную Бельгію, сжегши, какъ ничтожный клочокъ бумаги, свои сорокалѣтніе демократическіе принципы, свое пролетарское знамя.

Какое страшное превращеніе цѣлой организаціи, почти цѣлаго класса! Пятьдесятъ лѣтъ эта организація проповѣдывала отвращеніе къ борьбѣ дѣйствіемъ, призывая пролетаріевъ всѣхъ странъ къ борьбѣ съ врагами только мирными средствами, оттачивала втайнѣ шашки и снаряжала шрапнелями противъ пролетаріевъ и себя. Какой неожиданный и тѣсный союзъ сознательнаго пролетаріата,—какъ всю Европу увѣряли нѣмецкіе вожди,—съ врагами рабочаго класса—и ради чего?! Ради самой отвратительной войны въ угоду и на потѣху угнетателямъ человѣчества!

И среди милліонной организованной демократіи нашелся только одинъ герой,—Либкнехтъ,—котораго одинокій голосъ протеста потонулъ въ грохотѣ орудій и въ звукахъ позорнаго марша, за который потомки будутъ краснѣть много вѣковъ. Германская пролетарская организація сразу потеряла свое человѣческое лицо, свою соціалистическую душу отъ одного окрика Вильгельма. Де-

сятки соціалистическихъ депутатовъ рейхстага пошли добровольно въ германскую армію громить Францію, Бельгію и Россію. А оставшіеся внѣ этихъ армій пролетарскіе вожди дѣлаютъ предложеніе ограбленнымъ и искалѣченнымъ пролетаріямъ Франціи и Бельгіи созвать делегатовъ и возстановить Интернаціоналъ для обсужденія создавшагося положенія, для выработки отношеній Интернаціонала къ войнѣ.

Ну, развѣ это не насмѣшка, не издѣвательство? Это— въ то время, когда Лувенъ былъ разрушенъ, Льежъ разоренъ, Брюссель разграбленъ и порабощенъ; когда часть Франціи была завоевана, когда бельгійскій пролетаріатъ изгнанъ изъ своей родины. Что это за предложеніе? Непониманіе? Безуміе или издѣвательство?

Развѣ это предложеніе не напоминаетъ вамъ недавнее предложеніе Вильгельма о мирѣ?

Французскіе соціалисты по достоинству оцѣнили его, отвѣтивъ своимъ недавнимъ германскимъ друзьямъ, а теперь врагамъ, что вопросъ о созывѣ соціалистическаго международнаго конгресса можетъ возникнуть только послѣ того, какъ германцы поступятъ со своимъ кайзеромъ такъ же, какъ французы когда-то поступили со своимъ Наполеономъ III. На это германцы отвѣтили сначала бѣшенымъ наступленіемъ на Изерѣ, а затѣмъ потопленіемъ Лузитаніи и госпитальныхъ пароходовъ. И противъ этихъ величайшихъ преступленій не послѣдовало ни одного организованнаго активнаго протеста со стороны германскаго пролетаріата, что вполнѣ было бы законно и естественно ожидать отъ демократіи, которая категорически осуждала всякую **террористическую** борьбу даже противъ царей, министровъ и другихъ угнетателей и насильниковъ пролетаріата.

Какъ это объяснить? Неужели убійство одного деспота преступнѣе убійства тысячъ раненыхъ, беззащитныхъ и совершенно безвредныхъ людей? Неужели пси-

хологія сознательнаго пролетаріата, руководимаго испытанными вождями, могла сразу такъ измѣниться и стать буржуазной? Почему произошло такое скорое сліяніе пролетарскихъ и буржуазныхъ душъ и полная согласованность ихъ дѣйствій на службѣ капиталу и деспотизму? Вотъ вопросы, которые остро должны встать передъ всякимъ честно мыслящимъ человѣкомъ и, особенно, передъ искреннимъ соціалистомъ. Раскрыть причины и пути такого страннаго превращенія цѣлой демократической организаціи въ слѣпое орудіе буржуазіи и юнкерства въ высшей степени полезно и поучительно, какъ для настоящаго, такъ и для будущаго человѣчества и главнымъ образомъ для трудовыхъ классовъ Европы.

Давайте же разберемся въ этомъ.

Чтобы увидѣть настоящую правду, не надо бояться ея наготы; чтобы не повторять прежнихъ ошибокъ, надо искренне въ нихъ сознаться, а не прятать ихъ отъ себя; не надо всѣ бѣды и всѣ вины всегда сваливать на другихъ, а себя и свою партію во всемъ и всегда считать непогрѣшимыми, не допускающими критики. Не вѣчно будетъ война. И трудовые классы прежде всѣхъ устанутъ отъ нея и настойчивѣе всѣхъ потребуютъ прекращенія убійствъ, грабежей и пожаровъ, называемыхъ **войною,**— подстроенной и организованной кучками безумно жестокихъ земныхъ властелиновъ и ихъ сообщниковъ, которые на войну смотрятъ, какъ на средство для достиженія своихъ низкихъ личныхъ цѣлей и закрѣпощенія трудового человѣчества. Вѣдь развѣ Вильгельмъ и его многочисленная семья не нажила милліона на военныхъ подрядахъ за эти два съ половиною года войны? Развѣ командующее юнкерство и буржуазія не состоятъ подрядчиками и поставщиками на армію, наживая невѣроятныя состоянія?

А чѣмъ они пожертвовали для войны? Ровно ничѣмъ. Но зато пожертвовали всей демократической организа-

ціей, разрушили ее вконецъ. Теперь германскіе пролетаріи этого не замѣчаютъ, такъ какъ Вильгельмъ играетъ на ихъ самолюбіи и тщеславіи, обѣщая огромными контрибуціями возмѣстить всѣ жертвы. Но съ прекращеніемъ войны начнется жестокое разочарованіе, холодное похмелье отъ кроваваго пира. На лоскутьяхъ демократическихъ идей, среди всеобщаго разоренія, на парадѣ безрукихъ, безногихъ,—этихъ живыхъ памятниковъ величайшаго преступленія,—встанутъ жгучіе, острые вопросы.

— Какъ? Это они—наши братья пролетаріи?! Это они отдали свою душу, свои силы, свое здоровье на пользу буржуазныхъ классовъ? Какъ произошло, что пятьдесятъ лѣтъ проповѣдуя борьбу пролетаріата противъ буржуазіи, они вдругъ сдѣлались ея орудіемъ и рѣшились пойти на самоистребленіе, позволили увлечь себя въ предательски затѣянную войну? Какъ же и куда итти впередъ? Какъ избѣгнуть повторенія пережитыхъ бѣдствій и преступленій?

И снова начнутся мучительныя исканія, философскія построенія. Но только изученіе прошлаго какъ теоретической, такъ и практической сущности германской соціалъ-демократіи дастъ ключъ къ разгадкѣ того, какъ большимъ и малымъ Вильгельмамъ удалось подготовить войну и убѣдить свой народъ, что война нужна для его же блага.

Войну измышляли всѣ эти Вильгельмы, а трудились и работали для нея рядовые германскіе пролетаріи. Они, можетъ-быть, не сознавали этого, но ихъ вождямъ не простительно было этого не замѣчать. Въ Германіи чудовищный ростъ прусской военщины и безмѣрно растущій военный бюджетъ ни для кого не были тайной. Еще Бисмаркъ, этотъ великій интриганъ, возведенный пруссаками въ идеалъ государственнаго мудреца, почти бога, оставилъ преступные, хитрые завѣты: «Война даетъ націи могущество, величіе и богатство». Это для господства

надъ другими народами. Для внутренней же безопасности, для обезсиленья демократіи—«власть должна поощрять ту партію, которая имѣетъ наклонность превратиться въ касту, съ узкимъ кругозоромъ, съ болѣзненной нетерпимостью и съ упрощенной до послѣдней степени теоріей». Поэтому Бисмаркъ поддерживалъ и отстаивалъ то теченіе въ демократіи, которое потомъ провозгласило себя единственнымъ носителемъ высшихъ началъ человѣчества, которое безповоротно отторгло отъ себя, какъ вредный элементъ, трудовое крестьянство,—этихъ тружениковъ, которымъ человѣчество и въ прошломъ и въ настоящемъ обязано своимъ существованіемъ. Этотъ истинный демократическій классъ объявленъ былъ германской соціалъ-демократіей низшей расой и былъ брошенъ въ объятія юнкеровъ и буржуазныхъ хищниковъ только за то, что имѣлъ жалкіе клочки земли, не дававшіе ему умереть съ голоду. Бисмаркъ и его преемникъ вполнѣ оцѣнили кастовое движеніе нѣмецкой организаціи соціалъ-демократіи и широко поощряли его, разрѣшивъ полную свободу печати, свободу слова въ этомъ направленіи. И нѣмецкая демократія,—въ лицѣ своихъ руководителей,—взапуски принялась превозносить развитіе крупной капиталистической промышленности, увѣряя, что безъ перехода къ ней справедливый правопорядокъ не можетъ быть достигнутъ. Началась подготовка къ войнѣ рѣшительно всѣми слоями германской имперіи. Прусская военная каста безпрерывно требовала все новыхъ и новыхъ средствъ на вооруженіе, а буржуазія и демократія разрѣшали эти бюджеты. И не только разрѣшали. Въ то время, какъ буржуазія выкладывала въ военныя предпріятія свои капиталы, расширяя крупповское производство,—демократія съ восторгомъ шла на эти заводы изготовлять чемоданныя пушки, разрывныя бомбы, удушливые газы, подводныя лодки съ адскими минами и пр. блага крупнаго военнаго производства...

Ученые тоже не оставались безъ дѣла; они прилагали свои знанія и науку къ изобрѣтеніямъ ядовитыхъ газовъ и взрывчатыхъ веществъ.

И вотъ германскій милитаризмъ расцвѣлъ кровавымъ цвѣткомъ розъ на національной почвѣ демократическихъ слоевъ. Если внимательно и безпристрастно присмотрѣться къ теоретическимъ основамъ нѣмецкой организованной демократіи, то не трудно убѣдиться, что онѣ не только не противорѣчили милитаризму и господству концентрированнаго капитала, а, наоборотъ, укрѣпляли и углубляли его. Началомъ всѣхъ началъ у германской демократіи былъ философски обоснованный матеріализмъ, который въ пониманіи демократическихъ массъ обратился въ то, что матеріальныя выгоды у него стали на первомъ планѣ. Человѣческій же духъ, человѣческая совѣсть, наука, искусство—лишь подчиненные покорные слуги. Все зависитъ отъ производственныхъ отношеній; все опредѣляютъ производственныя отношенія; жизнь народовъ идетъ независимо отъ воли народа, она течетъ и измѣняется по своимъ особымъ законамъ, по законамъ исключительно экономическаго матеріализма. Вотъ законъ и пророки нѣмецкой соціалъ-демократіи. И все, что внѣ этого,—ложь. Всѣ, кто не съ ними,—противъ нихъ. По этому ученію преступны были даже и цѣлые народы, которые, стремясь къ тѣмъ же цѣлямъ, какихъ добивалась и германская демократія, шли къ этимъ цѣлямъ другими, своими путями, а не путемъ, указаннымъ ей нѣмецкими мудрецами. И на почвѣ такой правовѣрности и исключительности развивалась такая вражда, такая злоба между разными оттѣнками демократіи, какую можно встрѣтить только развѣ между самыми ярыми врагами.

Какое ужасное заблужденіе! Въ самомъ дѣлѣ, разъ человѣческая совѣсть—предразсудокъ, разъ за человѣческой разумной волей не признается права измѣнить несправедливыя отношенія, — значитъ всякое преступленіе

есть неизбѣжное, заранѣе предопредѣленное явленіе, и никто не можетъ быть за него въ отвѣтѣ. Такая несложная философія легко лѣзла въ любую человѣческую голову, подготовляя рабство и тѣла и души.

Вотъ почему великій хитрецъ и гаситель человѣческаго духа, Бисмаркъ, такъ привѣтствовалъ это ученіе и убѣждалъ прусское правительство раскрыть широко двери этому, страшному на словахъ, но безсильному на дѣлѣ, ученію.

И убѣдилъ.

По сухой схемѣ ученія Маркса широко организовывался рабочій классъ, призывался подъ знамя «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь»; по программѣ, основанной на исключительности рабочаго класса, его мессіанизмѣ, жилъ и дѣйствовалъ германскій пролетаріатъ, проясняя классовое самосознаніе, выясняя якобы классовыя противорѣчія интересовъ рабочихъ и буржуазіи, проповѣдуя на словахъ и на бумагѣ безпощадный антагонизмъ между ними. И всякое другое соціалистическое ученіе, хотя бы самое родственное, безусловно отрицалось и осуждалось марксизмомъ, какъ затемняющее пролетарское самосознаніе, затушевывающее классовыя его противорѣчія.

Такъ проходила работа германскаго пролетаріата на бумагѣ, на засѣданіяхъ, на митингахъ и собраніяхъ, а жизнь шла своимъ путемъ,—мимо всего этого. Германское юнкерство и буржуазія, конечно, не упустили случая использовать пролетарское ученіе и приготовили его послѣдователямъ и вождямъ жестокое отрезвленіе.

Настало зловѣщее время. Явился Вильгельмъ и, какъ художникъ, сразу обратилъ германскую соціалъ-демократію въ собственную противоположность. Онъ объединилъ необходимое, примирилъ всѣ классовыя противорѣчія; онъ создалъ жестокій боевой союзъ нѣмецкаго буржуазнаго юнкерства съ пролетаріатомъ и послалъ послѣдній громить, жечь, убивать, топить пролетаріевъ всѣхъ

странъ. Однимъ ударомъ германскій императоръ вытолкнулъ изъ-подъ ногъ организованнаго сознательнаго пролетаріата марксистскій фундаментъ и въ одинъ день, какъ пыль, смахнулъ все то, что создавалось въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Однимъ своимъ вольнымъ жестомъ показалъ, что все ученіе Маркса было лишь надстройкой безъ настоящаго фундамента, и онъ бросилъ свой властный девизъ: «Долой свободу Европы! Смерть демократіи! Да здравствуютъ цѣпи и прусскій желѣзный кулакъ!» И нѣмецкая демократія безъ протеста бросилась исполнять злую волю своего царя, волю личности, историческую роль которой она такъ категорически отрицала.

На первый взглядъ это трогательное единеніе между германскою демократіей и буржуазіей можетъ показаться чудомъ, но чуда тутъ въ сущности никакого нѣтъ: внутренній союзъ между германской демократіей и буржуазіей существовалъ всегда. Германская буржуазія развивала крупную промышленность, германская демократія, особенно ея вожаки, привѣтствовала ее; первая никогда не задавалась вопросомъ, какова эта промышленность, вторая тоже, а между тѣмъ она-то должна бы подумать, что это за крупная производительность. Удовлетворяетъ она необходимыя человѣческія потребности, или она предназначается для войны, для массовыхъ убійствъ, для разоренія и страшныхъ бѣдствій. Надъ этими вопросами, повторяемъ, не задумывались, никогда руководители демократій *). А вѣдь промышленность промышленности рознь: «крупно» производить разрывныя пули, удушливые газы,—не одно и то же, что производить усовершенствованные плуга и фосфориты для удобренія полей; производить массами мины и сѣять ихъ по всѣмъ

*) На Бреславскомъ партейтагѣ германской соціалъ-демократіи ея вождь Бебель ясно формулировалъ этотъ взглядъ, сказавъ: „Каждое явленіе я оцѣниваю сообразно тому, способствуетъ ли оно развитію капитализма или нѣтъ. Если способствуетъ—явленіе прогрессивно. Если ставитъ помѣхи—оно реакціонно“.

океанамъ, чтобы тысячами топить людей и людской трудъ,—не одно и то же, что ставить спасательные маяки и разбрасывать по морямъ спасательные аппараты; производить 42 - сантиметровыя пушки, чтобы ими разрушать города, уничтожать поля, — не одно и то же, что строить эти города и воздѣлывать поля и сѣять хлѣбъ. За послѣдніе 50 лѣтъ въ Германіи всѣхъ охватила безумная горячка развитія крупной промышленности, и вся она была направлена главнымъ образомъ на изготовленіе средствъ истребленія лучшей части человѣчества въ угоду худшей его части. И никто не задавалъ себѣ вопроса: не противорѣчитъ ли это увлеченіе крупповскимъ производствомъ интересамъ трудовыхъ массъ? Вѣдь всѣ эти предметы должны же не только накопляться, а и найти себѣ примѣненіе. Это не хлѣбъ, не лѣкарства, — ни въ пищу, ни для лѣченія они употреблены быть не могутъ, да и на внѣшній рынокъ не пойдутъ, такъ какъ юнкерство и кайзеръ не допустятъ такого вывоза,—вѣдь это значило бы вооруженіе своихъ сосѣдей въ ущербъ себѣ и раскрытіе имъ своихъ тайныхъ замысловъ. Глубоко поучительно, что великимъ германскимъ мудрецамъ, написавшимъ цѣлые томы о разныхъ кризисахъ, о диктатурѣ пролетаріата, о святости и непогрѣшимости марксистскаго экономическаго ученія, не видно было, что концентрація капиталовъ позволяла скопляться этимъ страшнымъ предметамъ истребленія въ рукахъ юнкерской буржуазіи, этой касты, давно потерявщей человѣчныя чувства, привыкшей жить праздно, но властно распоряжаться народными средствами и безудержно командовать населеніемъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. И понятно, что эта каста при первомъ же случаѣ приказала разрядить эти орудія экономической силы не по своимъ друзьямъ, а по народнымъ массамъ.

Казалось бы, что не одурманенные блескомъ развитія капитализма или очнувшіеся отъ этого дурмана разумные

вожаки пролетаріата должны были бы прійти къ убѣжденію, что необходимо сократить, а, быть-можетъ, и совсѣмъ прекратить это крупнѣйшее германское производство.

«Но это уже утопія и жестокость,—возражали экономическіе матеріалисты.—Прекратить работу на военныхъ заводахъ, это значитъ обречь на безработицу и голодную смерть сотни тысячъ пролетаріевъ»...

Какая трогательная сантиментальность, но и какая недальновидность! Безспорно, страшная вещь оставить безъ работы сотни тысячъ мирныхъ тружениковъ; но не ужаснѣе ли во сто кратъ настоящее положеніе рабочихъ, когда милліоны ихъ гибнутъ на фронтѣ отъ пуль и снарядовъ, ими самими же приготовленныхъ! Не мучительнѣе ли положеніе тѣхъ милліоновъ изуродованныхъ, искалѣченныхъ пролетаріевъ и ихъ семействъ, переживающихъ голодовки? А милліоны мирныхъ селянъ, изгнанныхъ изъ своихъ домовъ, ограбленныхъ, обезчещенныхъ? Къ этому ли сознательно стремился германскій организованный пролетаріатъ? Нѣтъ, конечно. Но къ этому привело его ученіе чистаго экономическаго матеріализма, явившагося не результатомъ изученія дѣйствительной жизни, изученія всего человѣка съ его разумомъ, съ его волей, съ его совѣстью и желаніями, а однобокаго изученія лишь одной матеріальной стороны.

Современное человѣчество жестоко поплатилось за теорію, воспринятую въ большей своей части отъ того же Бисмарка. Къ этому ученію десятки лѣтъ подготовлялись дѣти пролетаріата, этимъ ученіемъ сковывался пытливый человѣческій умъ; этимъ ученіемъ приписывались пролетаріату такія качества, какихъ онъ на самомъ дѣлѣ не имѣлъ: за нимъ, и только за нимъ однимъ, признавалась способность и готовность бороться за высшіе человѣческіе идеалы, за освобожденіе человѣчества отъ угнетенія, только ему приписывались мирныя стремленія и

мирные способы разрѣшенія борьбы. И это въ то время, когда этотъ пролетаріатъ въ погонѣ за лишней маркой заработка безъ оглядки производилъ предметы разрушенія, горя и смерти.

Хорошъ носитель мирнаго житія! Полсотни лѣтъ ему жужжали въ уши, что трудовое крестьянство—мелко буржуазный классъ, что объединеніе съ нимъ есть измѣна пролетарскому дѣлу, ибо крестьянская психологія, крестьянскіе интересы противорѣчатъ интересамъ городскихъ рабочихъ, самымъ чистымъ, самымъ безгрѣшнымъ. Словомъ, что городской рабочій—кость бѣлая, а сельскій крестьянинъ—кость черная, низшая раса. За что же такое отчужденіе и пренебреженіе? Не за то ли, что трудовое крестьянство кормитъ все человѣчество, производя хлѣбъ и всѣ продукты, поддерживающіе жизнь, тогда какъ пролетаріатъ производитъ предметы, несущіе смерть и страданія, и никогда не задумывается надъ этимъ. Съ презрѣніемъ отворачиваясь отъ трудового крестьянства, считая его за классъ мелко буржуазный, пролетаріатъ тѣмъ самымъ лишалъ себя самой мощной поддержки и усиливалъ власть буржуазіи и юнкерства, этихъ своихъ смертельныхъ враговъ, но зато сохранялъ чистоту своей организаціи и строгость желѣзной дисциплины. И эту желѣзную дисциплину и образцовую организацію многіе даже честные и гуманные люди считаютъ за завидное достоинство нѣмцевъ. Но какія же блага, какія радости дали они человѣчеству? Настоящая война ясно раскрыла ихъ передъ всей Европой... Чудеснѣйшая имперіалистическая организованность принесла и несетъ въ даръ только смерть, позоръ, страданія и рабство. Развѣ постоянные наборы всѣхъ мужчинъ отъ 17 до 60-лѣтняго возраста не есть тягчайшее рабство, какого не встрѣчаемъ въ исторіи? Развѣ принудительный трудъ не крѣпостничество? Развѣ реквизиціи и ограниченіе питанія осиротѣвшихъ дѣтей, матерей и женъ есть свобода и довольство? А огрубѣніе

нравовъ, развратъ? Развѣ все это могло дать хотя бы каплю радости и счастья?

Эта восхваляемая организацiя превратила всю Европу въ военный лагерь съ безчисленными казармами, лазаретами и кладбищами, а честныхъ тружениковъ переродила въ убiйцъ и грабителей. Когда-то Европа вымирала отъ черной оспы, холеры, чумы. Но лучше пусть передъ человѣчествомъ будутъ эти эпидемiи, чѣмъ эта образцовая организацiя германскаго милитаризма. Съ эпидемiями люди считаютъ себя обязанными бороться, а передъ этой организацiей они преклоняются и возводятъ провокаторовъ-царей въ героевъ.

Да, вся бѣда въ томъ, что, благодаря духовному рабству и преклоненiю передъ германской цивилизацiей, люди мыслятъ и оцѣниваютъ всѣ международныя и общественныя отношенiя только съ точки зрѣнiя выгодъ и удачи. Выгоды для кого и для чего? Объ этомъ они не задумываются и даже негодуютъ на тѣхъ, кто требуетъ отвѣта на этотъ вопросъ,—требуютъ, чтобы оцѣнка производилась и съ точки зрѣнiя нравственности, совѣсти. Прiемъ мышленiя и оцѣнки всего совершающагося въ междучеловѣческихъ отношенiяхъ исключительно съ точки зрѣнiя матерiальной выгоды навязанъ бисмарковской наукой и философiей. Человѣчество должно съ проклятiемъ отвернуться отъ этихъ нѣмецкихъ «благъ» и до тѣхъ поръ, пока оно не перестанетъ думать и чувствовать по указкѣ «великой, единой организацiи» и по окрику ея великихъ и малыхъ Вильгельмовъ,—не избавиться трудовому человѣчеству отъ рабства и духовнаго и экономическаго.

Тщетно будетъ оно, разиня ротъ, слушать глашатаевъ и клакеровъ Вильгельма и нѣмецкихъ ученыхъ, которые сулятъ ему сотни благъ отъ развитiя капитализма, на дѣлѣ же причиняютъ миллiоны страшнѣйшихъ несчастiй. Человѣчество по окончанiи войны должно будетъ вер-

нуться къ старымъ принципамъ нравственной оцѣнки дѣятельности всѣхъ людей, великихъ и малыхъ, въ сферѣ и внутреннихъ и международныхъ отношеній, въ области какъ производства, такъ и потребленія. Безъ этого нѣтъ настоящаго пути къ лучшей, болѣе справедливой жизни для трудового народа. Оно само должно добиваться проведенія въ жизнь и примѣненія этихъ принциповъ не выгоды, а нравственности всегда и всюду, если не захочетъ погрузиться въ еще болѣе глубокое духовное и экономическое рабство. И это тотъ урокъ, который должна преподавать человѣчеству современная война. И кому-кому, а нашимъ германскимъ учителямъ-демократамъ прежде всего и больше всѣхъ надо изучить свое прошлое, свою исторію съ точки зрѣнія совѣсти и международнаго счастія трудящихся массъ. Пора бросить увѣренность, что германцы лучше всѣхъ и превыше всѣхъ. Настоящая война показала, что это—превосходство сильнаго физически звѣря—и только.

Теперь нѣкоторые предлагаютъ европейскому трудовому народу итти къ германцамъ и просить у нихъ мира во что бы то ни стало, утверждая, что нѣмецкій пролетаріатъ тоже хочетъ мира, тоже противъ аннексій, противъ контрибуцій. Если такъ, то почему же онъ не пытается очистить чужую землю—Бельгію, Францію, Сербію, Румынію, занятыя ими? Пусть нѣмецкая армія уйдетъ, тогда только можно будетъ думать, что они хотятъ мира. Нѣкоторые настаиваютъ на возстановленіи Интернаціонала немедленно, на союзѣ съ германскимъ пролетаріатомъ, полагая, что этимъ сразу водворятъ спокойствіе въ Европѣ. Но кто можетъ поручиться, что германцы, боготворя своего царя и его штабъ, не пошлютъ въ Интернаціоналъ этихъ всемірныхъ провокаторовъ и палачей?

Кто намъ докажетъ, что въ то время несмѣтныя войска германцевъ, увѣренныхъ въ своей непобѣдимости, въ своей образцовой организованности, что эти войска

подчинятся голосу Интернаціонала? Первые германцы не подчинятся ему, это можно сказать заранѣе, ибо, если бы они этого хотѣли искренне, они уже начали бы очищать территорію Бельгіи, Польши и другихъ, занятыхъ ими, государствъ. Но этого мы не наблюдаемъ. Значитъ, не такъ ужъ дорогъ имъ миръ и не рѣшенъ ими вопросъ, отказаться или нѣтъ отъ захвата чужихъ земель, отъ порабощенія не нѣмецкихъ народовъ. Освобожденная Россія громко заявила свой отказъ отъ завоеваній, а Германія? Россія свергнула своего тирана царя, тайнаго друга и брата Вильгельма, который въ 1905 году готовилъ армію для защиты русскаго Императора, тронъ котораго тогда заколебался подъ давленіемъ революціонной волны,—а Германія? Слышали ли мы тогда, въ 1906 г., голосъ протеста со стороны германской демократіи противъ такого преступленія? Нѣтъ.

Пусть же хоть теперь эта демократія скажетъ открыто, искренне, что она не допуститъ присвоеній чужихъ земель, что она отрекается отъ чудовищнаго милитаризма. Тогда только можетъ подняться вопросъ объ Интернаціоналѣ.

Но когда каблуки вильгельмовскихъ слугъ продавили голову польскому народу, когда бельгійцы были изгнаны изъ своего отечества, когда подъ Стоходомъ пущены были облака адскаго газа, когда сербы уведены были въ рабство,—Интернаціоналъ, каковъ бы онъ ни былъ, останется лишь простой безсильной говорильней. Не такой Интернаціоналъ нуженъ трудовому народу Европы и не съ нынѣшней германской демократіей намъ итти въ него.

Такъ кому же мы протягиваемъ руку? Съ кѣмъ братаемся? Для кого и для чего губимъ свое отечество?

Съ врагами или съ друзьями? Ради всеобщаго мира на землѣ или ради мирнаго и благоденственнаго житія Германіи? Отвѣтъ, я думаю, теперь ясенъ для всѣхъ.

Издательство „НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ“.

Поступили въ продажу и печатаются слѣдующие брошюры и листки:

А. Ф. Керенскій. В. В—аго. Ц. 65 к.

Первенцы свободы. Д. С. Мережковскаго. Ц. 40 к.

Государство и война. В. Устинова. Ц. 5 к.

Призывъ „бабушки“. Е. К. Брешко-Брешковской. Ц. 3 к.

Единеніе и оборона. Б. Савинкова (В. Ропшина). Ц. 5 к.

Что такое демократическая республика, подъ редакціей Е. К. Брешко-Брешковской. В. Бакрылова. Ц. 5 к.

Какъ пала царская власть. И. Овсянкина. Ц. 5 к.

Что должно дать народу Учредительное Собраніе. Е. К. Брешко-Брешковской. Ц. 5 к.

Царь есть зло, и выбирать его не слѣдуетъ. Священника М. Михалева. Ц. 10 к.

О революціи, о войнѣ и о землѣ. Письма стараго учителя.

Кому нужны погромы? М. Стогова. Ц. 25 к.

Кому же мы протягиваемъ руку? В. Панкратова. Ц. 25 к.

СКЛАДЪ ПРИ КОНТОРѢ

Изданій Т-ва А. Ф. МАРКСЪ („Нива“).

Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Отдѣленіе склада при книжномъ магазинѣ Народнаго Книгоиздательства „ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ“, Петроградъ, Знаменская ул., домъ 11.

Петроградское отдѣленіе издательства „Народная Власть“ находится при книжномъ магазинѣ народнаго книгоиздательства „Городъ и Деревня“., Знаменская ул., д. № 11.

